

А.Т. Шашков
(г. Екатеринбург)

К ДАТИРОВКЕ АНТИСТАРООБРЯДЧЕСКОГО ТРАКТАТА ЮРИЯ КРИЖАНИЧА “О ПРЕВЕРСТВЕ БЕСЕДА”

За время своего 15-летнего пребывания в ссылке в Тобольске, продолжавшегося с 1661 по 1676 г., знаменитый славянский просветитель и публицист Юрий Крижанич создал основной корпус своих сочинений, неоднократно привлекавших внимание исследователей. Одно из них, получившее у ученого хорзата название “О преверстве беседа”, было, как и его известное “Обличение на Соловецку челобитную”, специально посвящено полемике с идеологами староверческого движения. Поводом для обращения к этим вопросам послужило, очевидно, общение Крижанича прежде всего с двумя ссыльными старообрядцами — бывшим патриаршим подьяком Федором Трофимовым и романовским попом Лазарем. Единственный список трактата “О преверстве беседа” сохранился в виде бесового автографа самого Крижанича в составе рукописного сборника XVII—XVIII вв. (РГБ. Музейное собр. № 3348. Л. 159—170).

Сразу же следует пояснить, что сам термин “преверство”, изобретенный Крижаничем, буквально означал “прибавление к вере, и лишна вера”. “Вера православная или Благочестие, — писал он, — ест благонравие, и имеет свою меру и свои пут средни; а окрест его по кончинам блудит двое злонаравие, Невера и Преверство. Невера на лево по скудости, бо просто разаряет чест Божию; и сиево ест Поганство и ереси всякие. А Преверство блудит на десно по Избавлечию, бо вводит в веру лишны непотребны страхи законы, и почитает в грех еже нит греха, и чтет Бога суетно и светцем испознаю честю, каково баше и Фарисейское преверство”. Исходя из этого определения, Крижанич критикует “преверство тобольских учителей и пророков”, разбирая заблуждения новозаветных фарисеев и проводя прямую параллель между ним и староверами.

Первым на сочинение Юрия Крижанича “О преверстве беседа” обратил внимание в 1907 г. еще С.А. Белокуров, ограничившийся лишь упоминанием о нем, после чего оно надолго исчезло из поля зрения ученых. И только в 1911 г. рукопись с этим сочинением обнаружил выпускник исторического факультета Ленинградского университета Н. Клячко, погибший во время Великой Отечественной войны. В 1947 г. краткие сведения о рукописи и изложение содержания

самого сочинения дал в небольшой статье А.Л. Гольдберг. Наконец, в 1986 г. его вместе с переводом на современный русский язык издал в 27-м сборнике “Богословских трудов” преподаватель Ленинградской Духовной Академии Ю.П. Аввакумов.

Все исследователи, обращавшиеся к этому сочинению, включая последнего биографа писателя Л.Н. Пушкарёва, относили его создание к 1675 г., т.е. ко времени работы Крижанича над “Обличением на Соловечку челобитную”. Между тем в самом тексте трактата “О превержестве беседа” содержатся косвенные указания на то, что он появился в 1662—1663 гг.

Как отмечали еще С.А. Белокуров и А.Л. Гольдберг, в этом сочинении повествование ведется от лица тобольского архиепископа. Об этом свидетельствуют фразы: “А что мене недостойного пастиря нарицают еретиком...”; “И потому вы добро молвите, я архиепископа еретика неподобает послушати...”; “Нинеже я вам ничесо супротивного благочестию непринесл есм, но принесл есм книги пеня церковного с изправлением преводом печатанъ, в нихже нит ничтоже супротивно православной вере и благочестию”. Возникает вопрос: от имени какого архиепископа ведет полемику со старообрядцами Крижанич? В 1675 г. Сибирскую епархию возглавлял Корнилий. Но он с 25 мая 1668 г. стал митрополитом Сибирским и Тобольским, заняв таким образом четвертую ступень в высшей церковной иерархии России того времени (после Новгородской, Казанской и Астраханской митрополий). Следовательно, Юрий Крижанич не мог написать трактат “О превержестве беседа” позднее этой даты.

В тексте самого произведения имеется еще одна очень важная датирующая деталь: “А ваши пророци молвят, — пишет Крижанич, — яко посада для того згорела, что людие с некрещенными хлеб ядали”. За время своего пребывания в Тобольске писатель был свидетелем трех пожаров: 17 мая 1662 г., 25 марта 1672 г. и 18 апреля 1674 г. Однако пожары 1672 и 1674 гг. произошли “на горе”: в первом случае сгорели Вознесенская церковь и часть деревянных городских стен, во втором — митрополичьи хоромы и Святые врата в Знаменском монастыре. И лишь пожар 1662 г. произошел внизу, на посаде. Вот как описывается этот случай в Головинской редакции Сибирского летописного свода: “Того же 170-го году майя в 17 день был в Тоболску пожар под горою, загорелася юрта на дворе у бухаретина у Сеткула Аблина. И от того выгорели тотарские юрты все без остатку по самую речку Курдюмку по обе стороны, и мосты, и лавки, и церковь Владимирские богородицы, и колоколыня, и русских

людей дворы, и лавки, и кузницы — все выгорело. И от того пожара городовая угловая башня загорелась. И ис соборные церкви и по всем дворам и из лавок в погребы и за острог убирались. И милостию всемилостивого Спаса сохранен бысть град Тоболеск”.

В связи с этим необходимо отметить по крайней мере два обстоятельства. Во-первых, поражает грандиозность стихийного бедствия, которое не могло не произвести впечатления на современников. Во-вторых, все другие редакции Сибирского летописного свода сгоревшую Владимирскую церковь называют Богоявленской. А именно сюда, как свидетельствуют источники, был определен в дьячки Федор Трофимов, непримиримо относившийся к общению с неверными “агарянами”. На это, кстати, указывает в своем “Обличении на Соловецку челобитную” сам Юрий Крижанич: “Егда паки аз бых и с Феодором иподиаконом в Сибирь везен, Феодор умывашеся и пияше из единого ковша со мною (следует помнить, что Крижанич был католиком. — *А.Ш.*); а егда бехом у татарина и татарин воды почерпе, Феодор не хотяше к тому умыватися из онаго ковша”. Не исключено, что именно Федор Трофимов, воспользовавшись стечением обстоятельств (началом пожара в татарских юртах), первым выдвинул и стал распространять идею о наказании Божиим за общение православных с “некрещеными”.

Но если Юрий Крижанич писал свое сочинение вскоре после пожара 1662 г., то, следовательно, и полемику он вел от имени архиепископа Симеона, возглавлявшего Сибирскую епархию с 1651 по 1663 г. Постриженник Макарьевского Желтоводского монастыря, Симеон с сочувствием относился к своему земляку Аввакуму Петрову, сосланному в 1653 г. в Сибирь, хотя и не разделял его радикальных взглядов на церковную реформу, проводимую патриархом Никоном. За время своего пребывания на архиепископской кафедре в Тобольске он трижды совершал поездки в Москву. В последний раз Симеон поехал туда в 1662 г. “бить челом” по поводу конфликта с тобольским воеводой И.А. Хилковым. Вернулся он в Тобольск 22 марта 1662 г. Вспоминая его приезд, Федор Трофимов в своем сочинении “Роспись, за что я, Фетка, Никона патриарха и учеников его еретиками и отступниками называл и называю”, написанном в 1665 г. под впечатлением сибирских событий, в частности, писал: “В прошло во 170-м году сын патриарха Никона архиепископ Симеон (Федор Трофимов имеет в виду их духовное родство. — *А.Ш.*), приехав в Сибирь, в Тоболск, велел по всем церквам службы служить против новых книг, и, угождая отцу своему Никону, списовал со Служебников

списки и разослал по всем церквам с великою грозою". Это, а также другие сообщения Федора Трофимова о деятельности владыки (изменение формы креста при запечатывании просфор, введение обливательного крещения и т.п.), во-первых, указывают на то, что вплоть до весны 1663 г. в церквях Сибирской епархии все еще сохранялись дониконовские обряды, а во-вторых, они как нельзя более точно соответствуют фразе из сочинения Крижанича "О преве́рстве беседа", сказанной от имени тобольского архиепископа: "...принесл есм книги пеня церковного с изправлением преводом печатаны..."

Судя по всему, Юрию Крижаничу так и не удалось закончить свой антистарообрядческий трактат, предназначавшийся для архиепископа Симеона (на это, в частности, указывает отсутствие в рукописи главы об изображении креста, которая должна была, по замыслу Крижанича, отраженному в оглавлении, завершить произведение): в марте 1663 г. владыка по государственной грамоте в четвертый раз уехал в Москву и больше в Сибирь не вернулся. 24 июля 1664 г. новым тобольским архиепископом стал архимандрит Новгородского Хутынского монастыря Корнилий, прибывший к месту своего назначения только 23 февраля 1665 г.

В заключение следует сказать, что оба антистарообрядческих трактата Юрия Крижанича — "О преве́рстве беседа" и "Обличение на Соловецку челобитную" — остались практически неизвестными современникам. Это можно объяснить тем, что занятая им позиция оказалась непонятой руководством официальной церкви в силу прежде всего своей утилитарности. В самом деле, с какой стати иноземец-католик ввязался в спор православных русских? Подобное могли простить, например, другому выученику иезуитского коллегиума — "латинствующему" Симеону Полоцкому, формально являвшемуся православным и потому допущенному к антистарообрядческой полемике, в результате чего на свет появился в печатном виде его знаменитый "Жезл правления", но не Крижаничу, категорически отказавшемуся сменить свою веру. Ситуация усугублялась еще и тем, что в своих сочинениях "серблянин" в равной степени критиковал как тех, так и других, нарушая тем самым определенные "правила игры" и подвергая в пылу спора сомнению важнейшие идеологические и геополитические постулаты, на которых традиционно зижделись здания русского православия и государственности. Все это и определило в конечном счете судьбу Юрия Крижанича в России, так и не сумевшего стать здесь "своим".